

“...он имел намерение торговать за океан две единственные оставшиеся нам национальные жемчужины: наш балет и наш метрополитен. Все уже было приготовлено к сделке, но только вот этот двурюшник немножко ошибся в своих клиентах с Манхэттена. Когда с одним из них он спустился в метрополитен, чтобы накупить нужную цену, — этот бестолковый коммерсант-янки решил, что перед ним — балет. А когда тот привел его в балет...”

(Венедикт Ерофеев. “Вальпургиева ночь, или Шаги командора”.)

“Тот, кто носит “Адидас”, — тот и Родину продаст”, — шутили во времена застоя развитого социализма. И продавали те, кто ридился в импортные шмотки, и совграждане, никогда их не носившие, а особенно эффектно, те, чьим прикидом были пачки, трико, балетные туфли. Артисты балета Но как же быть с другой известной поговоркой: “Где родился, там и пригодился”? Увы, к балету она никакого отношения не имеет. Отъезд, уход, побег русских артистов балета, начавшийся сразу после Великого Октября, продолжили звезды советского балета. И оказалось, что именно там, за пределами родины они пригодились. У каждого сбежавшего-невернувшегося своя история — трагическая или драматическая, всегда захватывающая.

Дягилева, Павлову, Нижинского весте о том, что Россия стала большевистской, застала, когда они были уже там, за бугром. В каком-то смысле им повезло. Конечно, они скучали, тосковали по березкам и снегу, по Мариинскому театру, по своему прошлому, по тем, кто остался в России, но вернуться туда? Нет, рассказы вырвавшихся из совдеповского рая внушали ужас. Путешествия из Красной России в Европу Кшесинской, Карсавиной, Лифаря — это страшные и захватывающие приключения, рядом с которыми сегодняшние американские боевики — сладкие кинокартинки.

В своей книге “Страдные годы” Серж Лифарь описал в холодящих душу подробностях свое житье-бытие в большевистском Киеве, откуда ему удалось вырваться в 1922 году. Первая попытка будущего премьера русского балета Дягилева, великого танцовщика и хореографа, перейти границу с Польшей закончилась для него неудачно. И вот он в руках ЧК. “В чрезвычайке меня прежде всего тщательно обыскали и отняли все мое золото и валюту. Хорошо еще, что по дороге я успел разжевать и проглотить свой паспорт... Потом меня, никогда не болевшего сыпным тифом и больше всего боявшегося заболеть этой страшной болезнью, посадили в камеру, где находились тифозные — несколько полутрупов, метавшихся в жару. Несмотря на выбитые окна, воздух был нестерпимо отвратителен и насыщен миазмами. По телам тифозных — от одного к другому — переползали вши...”

Ужас охватил меня: эти отвратительные вши страшнее всякого чекистского нагана! Малейший

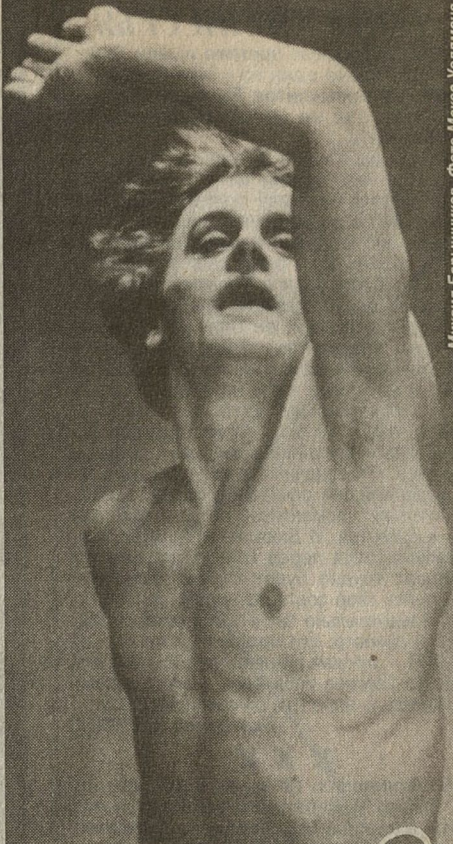
Владимир Малахов.

его название: “Крылатый бар” — и, словно на крыльях, рванулся к ней. Клара спокойно предложила мне перед отъездом выпить с ней чашечку кофе. Я посмотрел на нее, затем на двух французских полицейских, стоящих поблизости. Перед глазами все будто поплыло: мне страшно хотелось убежать, и в то же время на секунду, которая, казалось, длилась вечность, мои мышцы вдруг стали такими тяжелыми, будто они были из свинца. Мне казалось, я никогда не смогу больше даже пошевелиться. И затем я сделал это; совершив самый длинный и захватывающий дух прыжок в своей жизни, я приземлился прямо в руки тех двух полицейских. “Я хочу остаться, — прокричал я, задыхаясь. — Я хочу остаться!”

Рудольф Нуреев стал первым балетным невозвращенцем, первым изменником родины. Ленинградским городским судом он был приговорен к семи годам лишения свободы с конфискацией имущества. СССР не только осудил поступок Нуреева, он и старательно мстит танцовщику, в КГБ разрабатывался план автомобильной катастрофы, после которой, если б он и остался жив, ни о каких танцах не могло быть и речи. Не выпускали к нему мать, а когда через много лет Нурееву разрешили с ней увидеться, она, тяжелобольная, не узнала сына. Кстати, среди осудивших Нуреева был и Серж Лифарь, опубликовавший письмо “Не любит никого и предает

всех”, в котором подвергал резкой критике поступок Нуреева. И это тот самый Лифарь, когда-то сам чудом вырвавшийся из России. Но в это время он заигрывал с СССР, а потом, наверное, не мог простить Нурееву его молодости и фантастического успеха на Западе. Нуреев того письма, кстати, сразу же перепечатанного “Известиями”, тоже не простил Лифарю.

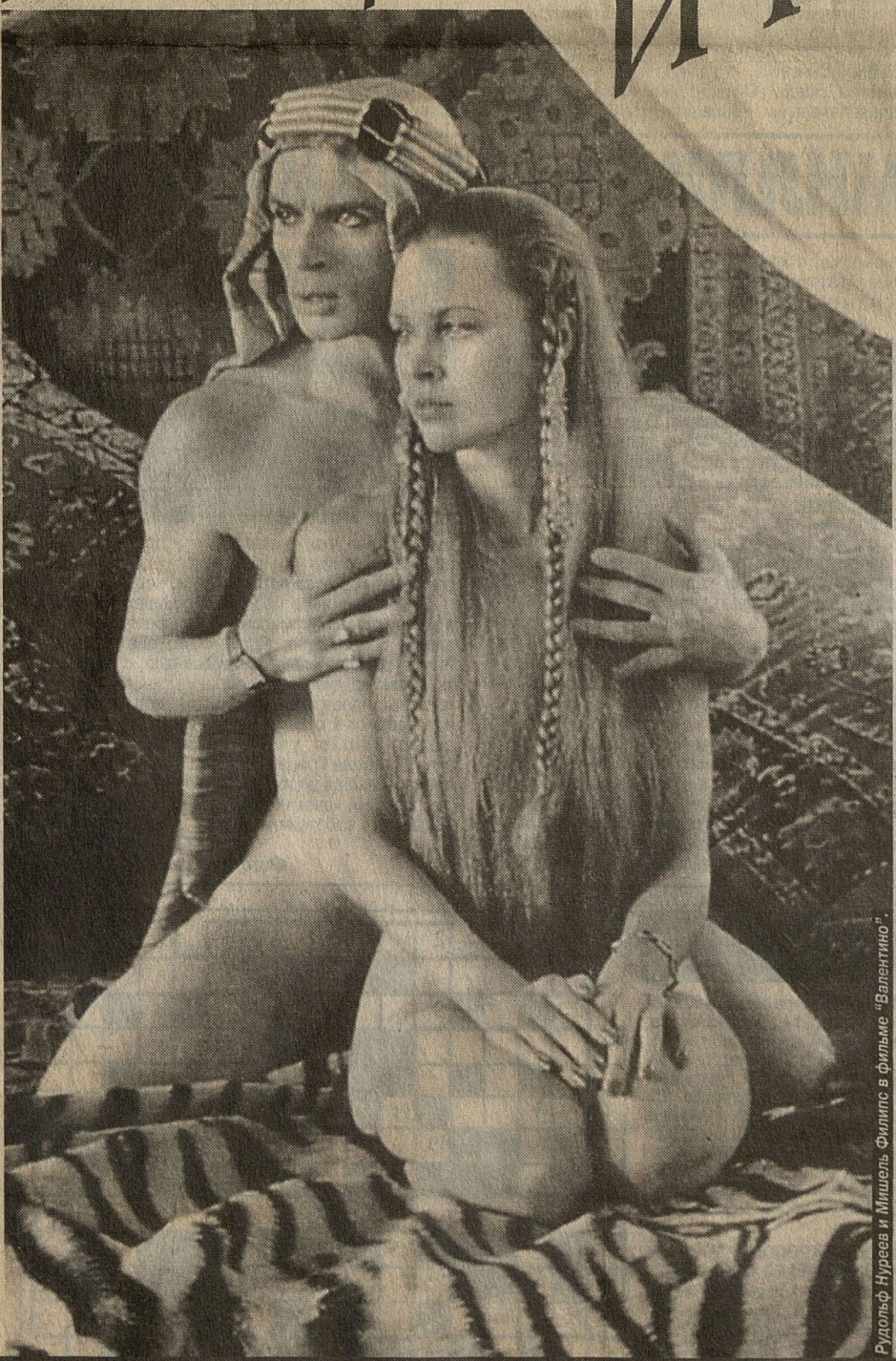
Ну, а вслед за Нуреевым потянулись за кордон и другие. Число невозвращенцев все росло и росло. Причем удивительно, что первые беглецы были из Кировского театра. Может быть, потому, что обстановка там была более затхлой по сравнению с Москвой. В столице вроде как повеселее и к начальству поближе. В 1970 году в Лондоне сказала: “Прощай, СССР” Наталья Макарова, одна из ведущих балерин Кировского. Она вспоминает: “В труппе на следующий день (после того, как Макарова попросила политического убежища, разумеется, поднялся переполох — начались пересуды, для всех известие о моем defection было как

Михаил Барышников. Фото Макса Уолдмана.

Макс Малиновский - 1997 - 26 февраля - с.8

ДеЗертиры в трико и пачках

удар грома. Еще бы, я и сама не ожидала такого оборота. Особенно, как мне рассказывали, убивалась моя костюмерша Валечка, которая меня очень любила. Она напилась и рыдала, приговаривая: “Кто бы мог подумать, что Наташка, наша Наташка останется! Все думали — Барышников, Барышников, а вот ведь что случилось”. И ведь, что удивительно, правильно думали. Ненадолго задержался в Советском Союзе Михаил Барышников. В 1974 году, в Канаде, в Торонто, после спектакля он, выйдя в окружении поклонников, вдруг бросился бежать со всех ног. Поклонники решили, что он спасается бегством от них, и ринулись вдогонку. Но Барышников бежал к припаркованной недалеко от театра машине, где его ждал адвокат, с которым за два дня до этого он обсудил план своего невозвращения в СССР. В том же году уехали из Кировского и балерина Галина Рагозина с супругом Валерием Пановым — им разрешили эмигрировать в Израиль.

Первым знаменитым перебежчиком из Большого стал роскошный, эффектный, сильный танцовщик Александр Годунов, незабываемый партнер Майи Плисецкой в балетах “Кармен-сюита” и “Анна Каренина”. Плисецкая вспоминает: “В кинофильме “Анна Каренина” со мной снимался Годунов. Когда фильм уже домонтировался, мы, не дождавшись финиша, уехали в очередной американский тур. В самолете Саша сказал мне, что не намерен более возвращаться в СССР.

— Но тогда наши съемки “Анны” пропадут. Подожди, пока фильм выйдет на экраны. А там... В следующий раз останешься...”

Саша Годунов был человеком слова.

— Хорошо. Подожди”.

Он остался в США в 1979 году. Все прошло не очень удачно. Вместе с Годуновым решила остаться и его жена, балерина Людмила Власова. Но, вернувшись в гостиницу за оставленными там драгоценностями, была схвачена сотрудниками КГБ, сопровождавшими, как водится, труппу. Подвергнувшись сильному психологическому давлению, Власова вынуждена была заявить, что осуждает мужа-перебежчика и добровольно покидает Америку. Самолет с балетной труппой Большого был на несколько часов задержан в аэропорту, в то время как американские власти пытались выяснить, по собственной ли воле покидает Америку Власова. В эту же поездку, но без шума, очень тихо остались в Америке Леонид и Валентина Козловы. В то время и родилась поговорка: “Театр уезжает Большим, а возвращается Малым”.

Последующие отъезды-невозвращения балетных артистов уже не становились сенсацией: менялась страна, стирались границы, не стало Советского Союза. Но бег на Запад по очень разным причинам продолжается. Завершив карьеру в Большом, уехала из страны балерина Нина Тимофеева; нет здесь места и для легендарной ленинградской балерины Аллы Осипенко; солист Большого Ирек Мухамедов восхищает своим танцем англичан, а Владимир Малахов, блистательный солист труппы Натальи Касаткиной и Владимира Василева, сегодня — австрийский подданный, звезда Венской оперы, которого боготворят и любят там.

Нуреев Судовщев

26.02.97